

* * *

Не помню, что было вначале,
Не знаю, что будет в конце.

Блаженно лежу на причале,
Как в детстве на тёплом крыльце.

Играю с букашкой заблудшей,
Солёные брызги ловлю.

И берег — за то, что он лучший, —
Последней любовью люблю.

Горячий песок обнимаю –
И больно и сладко плечу.

Что будет со мною – не знаю,
Не знаю и знать не хочу!

ЕСЛИ СКАЖУ

Если скажу: «Да куда же вы рвётесь?»
Предупрежу: «Вы уже не вернётесь!
Там – полынья изо льда и огня!» –
Разве слушает кто-то меня?

Вот и молю, не надеясь на чудо;
Ратую: не возвращайтесь оттуда!
Не для того я друзей хороню,
Чтобы довериться Судному дню.

А возвратится отступник из рая,
Кровную братию в круг собирая,
В красках опишет чарующий край –
Братия с гоготом ринется в рай.

А про заклятые таинства ада –
Чур, меня! – и заикаться не надо –
В страхе земном существующий мир
В прахе и в язвах покажется мил.

Не торопитесь, не рвитесь на небо,
Съешьте медовую корочку хлеба,
Перекреститесь: «Спаситель воскрес!» –
И за спиною давится бес.

БЕРЁЗА

Стоит полунагая
Над стынущей рекой.
– Не зябко, дорогая?
– Не шибко, дорогой.

Вернусь усталый с речки,
Поленьев наколю.
Я за полночь у печки
Сумерничать люблю.

Чтоб дольше не потухли,
Стребаю кочергой
Берёзовые угли...
– Не жарко, дорогой?

* * *

Неделю стоит одуряющий зной,
Как будто открылись предбанники пекла.
И степь захлестнуло горячей волной,
И всё онемело вокруг и ослепло.

Седает и сохнет, и чахнет ковыль, –
Он солнцу в глаза посмотрел по оплошке;
И никнут овсы, в невесомую пыль
Роняя свои золотые серёжки.

И песен степные певцы не поют
Ни поодиночке, ни ангельским хором,
Кузнечики счастье своё не куют,
И даже зловредный не каркает ворон.

Как будто в природу вселился испуг
И большего ей не хотелось бы гнева:
Исторгни она хоть единственный звук –
И грянут грома среди ясного неба!

РАЗОРВАННЫЙ АТОМ

Себя не сочтя виноватым
В немыслимом всплеске огня,
Разорванный надвое атом
Осколком вонзился в меня!

Потряс небеса и долины,
Метнулся к зелёным полям,
И на две разъял половины,
И перерубил пополам!

Над силами белой и чёрной
Воздал по заслугам уму.
И молнии перст рассечённый
Уже не грозил никому.

СРОЧНЫЕ ДЕЛА

О чём бы натура моя не радела,
Но спешка и суетность мне не к лицу.
Я думал, что делаю срочное дело,
А год сумасшедший подходит к концу.

Пора бы оставить привычки порочные,
Стряхнуть беззаботно тревоги с чела,
Закинуть подальше дела свои срочные,
За наиважнейшие взяться дела.

Отречься в момент от ярма атаманского,
Свой неприкасаемый вынуть запас –
Откупорить с громом бутылку шампанского
И выпить, чтоб брызнули искры из глаз!

БАБЬЕ ЛЕТО

«Бабье лето! Бабье лето!
Как вы смотрите на это?» –
Женщина взглянула вскользь,
Сквозь меня и наискось:
«Я желаю оказаться
Там, где можно отвязаться,
Чтоб головушку снесло,
Чтоб слюбилось и свезло,
И хмельно мне стало чтобы
От вина осенней пробы,
Чтобы в этот бабий день
За рекой трубил олень,

Чтоб меня, как лист в багрянце,
Закружило в страстном танце,
Чтоб меня мужик не слабый
Называл своею бабой
И шептал бы мне при этом:
«С бабьим летом, с бабьим летом...»

ЩЕНОК

Извёлся бедный, изнемог,
Но заводным винтом
Кружит бессмысленно щенок
В погоне за хвостом.

Да что щенок! Ты сам с утра
Среди людской молвы,
Как кочет из-под топора,
Бежишь без головы.

Когда усталость свалит с ног –
С улыбкою в усах
Бог скажет: «Быть тебе, сынок,
Щенком при небесах».